

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО «СЕРПА ОЖИДАЮТ СОЗРЕЛЫЕ КЛАСЫ...»

Сомов С. Э. (Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кафедра литературы и межкультурных коммуникаций)

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из немногих известных на сегодняшний день поэтических произведений белорусского просветителя Георгия Конисского (1717–1795) – «Серпа ожидают созревшие класы...», которое в жанровом отношении относится к философским элегиям и содержит размышления о смысле человеческой жизни в проекции на ее неизбежный финал.

Георгий Конисский известен науке, прежде всего, как великий исторический деятель, религиозный просветитель, который возглавлял Могилевско-Белорусскую епархию в течение сорока лет с 1755 по 1795 г. и внес большой вклад в развитие национального образования, историографии и юриспруденции. В прежние времена (в XIX – начале XX века) о Конисском говорили и писали как о замечательном проповеднике своего времени и даже сравнивали его с Массильоном и Боссюэтом, наиболее выдающимися ораторами Франции эпохи Просвещения. Но о Конисском-поэте почти никто ничего не писал. С одной стороны, это было связано с тем, что сохранилось сравнительно небольшое число его поэтических произведений (стихотворные интерлюдии, трагедокомедия, поэтические переложения псалмов, эпитафии, миниатюры); а с другой стороны, это объясняется далеко неполным представлением о наследии Георгия, до сего дня опубликованном фрагментарно.

Стихотворение Конисского «Серпа ожидают созревшие класы...» было опубликовано впервые и фактически единожды в собрании сочинений просветителя 1835 г., составленном Иоанном Григоровичем (и позднее переизданном в 1861 г.) [1, Т. 1, с. 261]. Данную философскую элегию высоко оценил А.С. Пушкин, посвятивший в 1836 г. указанному выше собранию сочинений обстоятельную статью [2]. Именно Пушкин в рецензии определил жанр стихотворения Конисского как элегический (хотя самим автором оно было озаглавлено как «Песнь») и назвал произведение «достопримечательным». Пушкин также счел необходимым привести его в рецензии целиком, как и некоторые фрагменты из философского дневника Конисского, поскольку по духу они близки между собой и, вне всякого сомнения, перекликались с мыслями и поисками русского поэта на заключительном этапе его жизни.

В последующие годы эта главная поэтическая удача Георгия нигде не публиковалась, а потому осталась незамеченной литературоведением и читателями. При этом в советский период, отмеченный непримиримой борьбой со всякими проявлениями христианской духовности, труды Георгия Конисского не печатались вообще, и поэтому обществом он был забыт почти полностью (за исключением кратких сведений в словарях). Между тем ни забвение, ни целенаправленное игнорирование не могут умалить достоинств высокохудожественного и глубокого по содержанию поэтического произведения.

Философский характер стихотворения определяется постановкой в нем сложнейшей проблемы духовно-нравственного состояния человека и смысла человеческой жизни, рассматриваемых Конисским в контексте религиозных представлений о смерти и бессмертии (отсюда – элегический колорит). Георгий обращается к немолодым людям, каждый из которых в силу преклонного возраста зримо находится на пороге смерти, а значит, по мысли просветителя, и неминуемого Божьего суда:

О! смертный, беспечный, посмотри в зеркало:

Ты сед, как пятьдесят лет тебе миновало.

Как же ты собрался в смертную дорогу?

С чем ты предстанешь Правосудному Богу? [1, Т. 1, с. 261].

Мысль поэта оформляется с помощью традиционных для русской художественной литературы и для творчества самого Конисского образов-символов. Во-первых, это образ «созревших класов», т. е. колосьев, под которым подразумеваются люди, оканчивающие свой земной путь. Причем здесь имеется в виду не только возраст, но главное – состояние «зрелости», исполненности жизненного пути. Не случайно в народной мудрости говорится о том, что умирает человек не старый, а «созревший», т. е. тот, кто исчерпал свои возможности для духовного развития. Образ созревшей нивы или тучной нивы часто присутствует в творчестве Конисского, в особенности, когда он говорит о задачах пастырского служения, делах «возделывания нив» и обработки колосьев.

Признаком зрелости колоса выступает цвет: из зеленого он становится золотисто-желтым, а затем теряет и этот оттенок, все более превращается в блекло-серый, пепельный (цвет перезревшей, осыпавшейся нивы, пропавшей без пользы). Так образ колоса изящно переходит в образ седого человека, стоящего перед зеркалом и созерцающего приметы своего неизбежного и уже свершающегося увядания. А поскольку для верующих людей смерти нет, то естественная мысль о смерти открывает здесь путь к размышлениям не о конце жизни, не о тупике, а всегда о перспективе вечности, о начале чего-то нового и непостижимого.

Возникает символ дальнего пешего пути, опасной «смертной дороги», полной «разбоя» (мотив так называемых «воздушных мытарств» в окружении духов добра и духов зла), которая не оканчивается «гробом», т. е. могилой, но престолом «Правосудного» и частным судом Творца над тварью. Такой «безвестный» путь, по словам Георгия, требует «конвой», т. е. помощи, причем не людей (Конисский вводит в произведение образ «друга», уходящего с похорон к себе домой), а бесплотных небесных сил – ангелов. И «подмога» эта посылается уже не как дар, а как воздаяние за «слезы и кровавый пот», что подразумевает свершенные усилия покаяния и многообразного духовного труда.

С сокрушением сердца и высокой эмоциональностью автор размышляет о человеческих пороках (жизнь как неразрывная «цепь грехов») и делает печальное заключение о неготовности человека к этому восхождению к Творцу:

Ах! вижу, ты нагиш, как родила мать:

Ни лоскутка на душе твоей не сыскать! [Там же].

Георгий ведет речь об особом рода духовных одеждах, для поэта-клирика и для сведущего читателя это является источником большого числа смысловых ассоциаций, в частности, прямой аллюзией на евангельские «брачные одежды», которые только дают возможность войти на «пир» с Женихом, т. е. в Царство Небесное с Иисусом Христом; указанием на просветленную духовность, в которую «облекается» христианин – облеченность «во Христа».

Соответственно этим ассоциациям Конисским создается антитеза между получающими «подмогу» и лишенными таковой: к числу первых относится Сикеот, а к числу последних – «буи девы», т. е. глупые невесты из евангельской притчи о глупых и мудрых женах (здесь в текст включаются образы погасшего светильника – «свечи Веры», необходимого для него «масла дел благих» и, как результата, – «затворенных брачных дверей»). Фигура реального Феодора Сикеота, святого преподобного, выступает образцом, неким критерием нравственного достоинства для обладания надеждой на незримую помощь свыше после смерти.

Поэтому в финале Конисский формулирует логически обоснованный вывод назидательного характера, о том, что у живого человека до смерти еще есть время принести «плод добрых дел». Таким образом, в элегии «Серпа ожидают созревшие класы...» Георгий предстает не только как поэт-художник, но и как мыслитель, пастырь и проповедник, призывающий читателя к неустанному духовно-нравственному совершенствованию.

Литература

1. Собрание сочинений Георгия Конисского, Архиепископа Белорусского, с портретом и жизнеописанием его. Изд. Протоиереем Иоанном Григоровичем. – СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1835. – Т. 1–2.
2. Пушкин, А. С. Собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 6: Критика и публицистика. – С. 83–95.